ного самоопределения, и являет собой мотивированно субъективное отношение к конкретной профессиональной деятельности. Низкая удовлетворенность профессией в процессе профессиональной учебы, вероятнее всего, приводит к ее освоению на поверхностном уровне. А это, в свою очередь, вызывает психические перегрузки даже при умеренно напряженной профессиональной деятельности. По данным социологического исследования, проведенного в России, приблизительно 93,6 % первокурсников довольны выбором профессии, на 2-м курсе удовлетворенность падает до 72,2 %. Разочарование в избранной профессии, которая возникает в процессе учебы, в большинстве случаев связано с тем, что студенты первого курса не имеют достаточно полного представления о своей профессии. Таким образом, виктимогенность студенческой адаптации на 2 – 3-м курсе обуславливается отсутствием личной заинтересованности в дальнейшем качественном обучении. С другой стороны, у некоторых студентов, наоборот, определяется сугубо индивидуальное стремление к приобретению профессии, и в этом случае уровень виктимности снижается, что относительно стабилизирует студенческую адаптацию.

Виктимогенность студенческой адаптации на последних курсах сопряжена с целым рядом проблем, порождаемых экономической, социальной и культурной политикой государства. Так, например, вполне успешный студент может оказаться невостребованным на рынке труда, или же получает распределение на предприятие, где ему предлагают заработную плату, не соответствующую его даже скромным притязаниям. На последних курсах вуза представление о том, что студент приобрел в течение всего периода обучения в вузе, проходит фазу переоценки уже сложившихся ценностей, в которой зачастую не присутствует позитивная оценка собственных усилий при получении высшего образования. Студент-выпускник становится жертвой специфического проявления социальной мобильности в обществе, когда лифтом для изменения статуса становятся не профессионализм и способности, а личные связи, не предусматривающие обязательного должного образовательного уровня.

Таким образом, виктимные факторы студенческой адаптации в разные временные периоды имеют различную объективную природу, но сопряжены с сугубо личностными проявлениями на различных этапах получения высшего образования.

УДК 18

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ВКУС КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВЫБОРА

К.ф.н. Уткевич О.И.

УО «Витебский государственный технологический университет»

Выбор является важнейшей характеристикой всей человеческой жизнедеятельности. Только лишь благодаря наличию выбора на переходных точках своего бытия люди обладают высокой степенью свободы. Обратим также внимание и на то, что выбор всегда осуществляется на основе предпочтения одного варианта бытия над другим. В эстетической сфере данное предпочтение во многом детерминировано эстетическим вкусом.

Первая научная теория вкуса была разработана немецким философом И. Кантом, который начинает свою работу «Критика способности суждения» словами о том, что будет в дальнейшем исследовании опираться на следующую дефиницию: «Вкус – это способность судить о прекрасном» [3, с. 203]. Приведенное определение, на наш взгляд, носит слишком широкий семантический характер, так как своеобразной способностью судить о прекрасном могут обладать не только отдельные индивиды, но и человеческое общество в целом. Данный феномен находит свое практическое выражение, например, в общественном мнении о сравнительной эстетической ценности некоторого объекта. С другой стороны, сам Кант неоднократно указывал на то, что в основе эстетического лежит чувственное восприятие, а поскольку общество не обладает способностью чувственно воспринимать действительность, то, следовательно, в рамках данного определения оно и не обладает эстетическим вкусом как таковым, это характеристика лишь отдельного челове-

ского индивида. Таким образом, кантовская дефиниция в целях своего семантического ограничения требует некоторого уточнения. В дальнейшем под эстетическим вкусом мы будем понимать не любую способность судить о прекрасном, а только лишь индивидуальную.

Подчеркнем, что эстетическим вкусом априорно, в той или иной степени должен обладать всякий человек, как и способностью (пусть даже в бессознательной форме) к эстетическому выбору. Отметим, что различные научные исследования показали универсальность бессознательной формы эстетического предпочтения, соответствие данной универсальности сущности человека. Так, например, хорошо известно, что абсолютное большинство маленьких детей, из всего множества игрушек прямоугольной формы предпочитало выбирать те, которые были созданы в соответствии с правилом «золотого сечения». В случае же осознанного выбора, человек должен совершить особую логико-гносеологическую операцию, называемую «распознаванием образов». Следовательно, умение распознавать эстетические образы является необходимым первичным онтологическим условием наличия эстетического вкуса.

В ситуации осознанного распознавания необходимы целенаправленные интеллектуальные усилия. В наиболее простых случаях эти усилия ограничены рамками чисто дедуктивных рассуждений. Однако в реальной жизни применение данного метода сталкивается с неразрешимыми трудностями, поэтому на практике чаще всего используется другой метод – «обучение на примерах». Процесс распознавания в этом случае необходимо разделить на два этапа: обучение и непосредственное распознавание.

Со времен Древнего Рима хорошо известно крылатое выражение «О вкусах не спорят» (*de gustibus non est disputandum*). В рамках данной концепции субъективности категории вкуса логично прийти к выводу о том, что эстетически предпочтительным в принципе может оказаться любой объект действительности, вне зависимости от его характеристик. На первый взгляд может показаться, что и Кант в работе «Критика способности суждения» придерживался концепции субъективного характера эстетического вкуса. «Чтобы определить прекрасно ли нечто или нет, – отмечал немецкий философ, – мы соотносим представление не с объектом посредством рассудка ради познания, а с субъектом и его чувством удовольствия или неудовольствия посредством воображения (быть может, в связи с рассудком). Суждение вкуса поэтому не есть познавательное суждение; стало быть, оно не логическое, а эстетическое суждение, под которым подразумевается то суждение, определяющее основание которого может быть только субъективным» [1, с. 203]. Однако заметим, что Кант в данном случае говорит не об эстетическом вкусе как таковом, а всего лишь о суждении вкуса. Вкус же, по его мнению, это не само суждение, а только способность к нему, следовательно, он может существовать достаточно долгое время лишь в потенциальной форме, не получая своего актуального интеллектуального воплощения. Если предположить, что категория вкуса обладает лишь объективным содержанием, то напрашивается вывод о наличии единой общечеловеческой системы эстетических предпочтений и ориентаций. Такую систему можно объяснить либо в рамках концепции абсолютной социальной детерминированности вкуса, единой для всех времен, народов и человеческих культур, либо его изначальной природной заданностью. Объективистская теория получила ряд своих интерпретаций, в частности у А. Шопенгауэра. Немецкий философ, совместив ее с такой категорией, как «человеческая гениальность», полагал, что «гениальность не что иное как совершеннейшая объективность, т. е. объективное направление духа, в противоположность субъективности, обращенной на собственную особу, т. е. волю» [2, с. 414-415]. Таким образом, в рамках отмеченной концепции подлинный эстетический вкус является результатом деятельности абсолютно гениальных индивидов, способных в своем восприятии действительности полностью отрешиться от своего собственного «я». Соответственно, по Шопенгауэру в эстетической сфере нет необходимости в творчески активном индивиде, так как он своей деятельностью будет лишь препятствовать адекватному эстетическому познанию действительности. Активность же гения, с точки зрения Шопенгауэра, должна носить весьма специфический характер и выражаться в подавлении любых проявлений воли к познанию, то есть не только индивидуальной субъективности, но и любой другой самости. «Мы нашли в эстетическом образе воззре-

ния, — отмечал он, — две нераздельные составные части: познание объекта, не как отдельной вещи, но как платонической идеи, т. е. как пребывающей формы всего рода таких вещей; затем самосознание познающего, не как индивидуума, а как чистого безвольного субъекта познания» [2, с. 425]. Очевидно, что в результате действия абсолютно гениальных индивидов созданные ими художественные произведения должны быть в сущностном отношении тождественны друг другу (как тождественна сама себе природа), а их суждения эстетического вкуса должны быть основаны на одних и тех же критериях.

Любой процесс распознавания, в том числе и эстетическая оценка любых объектов, должна вестись с помощью некоторых моделей. Для нас важно то, что эти модели, используемые в качестве мерил или правил оценки, в эстетической сфере являются ничем иным, как ценностно-гносеологическим ядром эстетического вкуса. Таким образом, создавая свое произведение искусства, гений одновременно творит не только образцы для будущего подражания, но и эстетический вкус тех индивидов, которые будут воспринимать его произведение. Парадоксальность описанной ситуации заключается в том, что в качестве формирующей основы вкуса выступают не теоретические положения и не интеллектуальные эстетические правила, а сам реальный предмет художественного творчества. Конечно, данному феномену возможно придать и несколько иную интерпретацию. Можно полагать, что высшая гармония не только звучит в душе гения, но и наделяет его абсолютным умением судить об эстетической предпочтительности одного объекта над другим, то есть абсолютным эстетическим вкусом. В отличие от Шопенгауэра, Кант не считал гения пассивным. Напротив, он всячески подчеркивал мысль о том, что художественные произведения, созданные гением, всегда должны носить индивидуально-оригинальный характер. Подчеркнем, что оригинальность гениальных произведений может носить различный характер, в том числе и связанный с расширением объекта художественного изображения. Именно благодаря этому феномену и происходит эстетическое восприятие все новых объектов действительности. Эстетический вкус гения в данном случае как раз и проявляется в умении увидеть (или услышать) красоту тех сфер бытия, которая до него не была отображена никем другим. Впоследствии, благодаря механизму мультиплицирования эстетического вкуса гения, эта красота становится видимой и для многих других людей. Большинство человеческих индивидов стремится социально мультиплицировать свое целостное «я». Данное стремление распространяется также и на некоторые его отдельные составляющие. Следовательно, художественное произведение гения можно рассматривать, в том числе, и в качестве специфического способа социального мультиплицирования той частицы своего «я», которая называется «эстетическим вкусом». Естественно, что в этом случае изменение вкуса других личностей не является однозначным процессом. Оно происходит путем диалектического синтеза своих собственных и новых, чужих эстетических предпочтений, причем в случае чужеродности последних никакого синтеза не происходит в силу их эстетического отторжения.

Любое расширение неразрывно взаимосвязано с пограничным бытием, в рамках которого оно и происходит. Согласно кантовской концепции гения, такая граница в эстетической сфере носит не зыбкий, подвижный характер, а напротив — абсолютно по своей сущности. Именно художественные произведения гения, по мнению немецкого философа, и являются результатом реального воплощения данного абсолюта. Подвижной же в этом случае является не граница между эстетическим и неэстетическим, а лишь граница между эстетически потенциальным бытием и его практической актуализацией.

Отвергая рассмотренные нами крайние точки зрения на сущность эстетического вкуса, мы исходим из того, что эстетический вкус (как в индивидуальной, так и в коллективной форме своего проявления) представляет собой органическое единство объективного и субъективного. Причем роль компонентов последнего в эстетическом освоении действительности неизмеримо выше, чем в большинстве других областей человеческой деятельности. Так, например, в научном познании, при всей широте применения методологического принципа «красоты», в качестве основных ориентиров для выбора, предпочтений выступают в первую очередь логические умозаключения, эксперимент и философско-методологические основания, то есть надындивидуальные основания процесса познания.

Эстетический же вкус, при его частичной объективной детерминированности, во многом основан на чисто индивидуальном отношении субъекта восприятия к самому объекту.

В заключение отметим, что согласно точке зрения И. Канта, проявление подлинного эстетического вкуса возможно лишь в том случае, когда данное единство разрушается и человек, освобождаясь от прагматической зависимости, оказывается в состоянии абсолютной свободы по отношению к эстетически воспринимаемому объекту. «Нетрудно видеть, – писал он, – что для того, чтобы сказать, что предмет прекрасен, и доказать, что у меня есть вкус, важно не то, в чем я завишу от существования предмета, а то, что я делаю из этого представления в себе самом. Каждый должен согласиться, что то суждение о красоте, к которому примешивается малейший интерес, очень пристрастно и не есть чистое суждение вкуса. Поэтому для того, чтобы быть судьей в вопросах вкуса, нельзя ни в малейшей степени быть заинтересованным в существовании вещи, в этом отношении надо быть совершенно безразличным» [1, с. 205].

Таким образом, феномен эстетической предпочтительности, связанный с заинтересованностью отдельного индивида (или целой социальной группы) в расширении сферы эстетического, может и не иметь никакого отношения к прагматическим характеристикам его эстетического вкуса. Поэтому зачастую активно проповедуемые в обществе какие-либо эстетические предпочтения, на практике могут выступать в качестве всего лишь некоего интеллектуального покрывала, скрывающего экономические или иные прагматические интересы определенных социальных слоев.

Список использованных источников

1. Кант, И. Критика способности суждения : собр. соч. в 6 т. Т.5 / И. Кант. – Москва, 1964.
2. Шопенгауэр, А. Основные идеи эстетики // Избранные произведения / А. Шопенгауэр. – Москва: Просвещение, 1992. – 413 – 474.

УДК 321(476) (075.8)

ВЛИЯНИЕ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУР НА СИСТЕМУ ЦЕННОСТЕЙ БЕЛОРУСОВ

Доц. Лученкова Е.С.

УО «Витебский государственный технологический университет»

Доц. Вечер Л.С.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

В современном мире не существует абсолютно замкнутых культур. Культурные и межгосударственные контакты – это неотъемлемый компонент современных отношений. В социально-гуманитарных науках процесс взаимного влияния различных культур, при котором все или часть представителей одной культуры перенимают нормы, ценности и традиции другой, носит название аккультурации.

В современной социально-политической жизни аккультурация проявляется в двух формах: временной и длительной. Временная аккультурация проявляется через контакты политиков, дипломатов, туристов, персонала иностранных компаний. Длительная – возникает в случае контактов представителей различных культур в рамках одного государства. Для процесса аккультурации свойственен определенный дуализм, так как каждый человек, находящийся в этом процессе, одновременно решает две важнейшие проблемы. С одной стороны, стремится сохранить свою культурную идентичность, с другой, – впитывает нормы и ценности другой культуры. Различные варианты решения этих проблем приводят к появлению четырех основных стратегий: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция. Остановимся подробнее на каждой из них: 1) ассимиляция – это полное принятие ценностей и норм другой культуры при отказе от ценностей своей; 2) сепарация